

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

ПОДМОСКОВНАЯ
НОЧЬ

Иван Опалин

Валерия Вербинина
Подмосковная ночь

«Автор»

2020

Вербинина В.

Подмосковная ночь / В. Вербинина — «Автор», 2020 — (Иван Опалин)

1926 год. В подмосковной усадьбе, превращенной в школу, происходят странные дела, пахнущие мистикой. Из Москвы разобраться в происходящем командирован юный сыщик Иван Опалин. Удастся ли ему справиться с загадочным злом, которое таит подмосковная ночь?

© Вербинина В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерия Вербинина

Подмосковная ночь

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с реальными людьми или событиями непреднамеренно и случайно. Усадьба, описанная в книге, вымышлена, но сочетает в себе черты нескольких реально существовавших усадеб, от большинства из которых в настоящее время остались одни руины.

Глава 1

Ловец снов

– Привидения... – начал один из агентов.

– Никаких привидений не существует, – перебил его другой агент угрозыска, человек с желчным лицом и бритым наголо черепом. – Верно я говорю, Коля?

Что именно ответил ему Николай Твердовский, возглавлявший сегодня оперативное совещание в Большом Гнездиновском переулке, Опалин не слышал. Три ночи кряду он сидел в засаде на бандитов, днем занимался рутинной работой, спал урывками и вымотался так, что едва держался на ногах. Пользуясь тем, что на него никто не смотрит, Иван привалился к стене и закрыл глаза.

– Бу-бу-бу... – доносилось до него, как сквозь вату.

В кабинете было жарко и душно, несмотря на настежь распахнутые окна. Некоторые агенты курили, и дым колыхался под потолком сизыми пластами, упорно не желая рассеиваться. Снаружи воробьи верещали так, словно замыслили троцкистский мятеж против советской власти. Где-то прозвенел трамвай, застучали по рельсам тяжелые колеса. Но Опалин уже ничего этого не слышал: он спал.

– Что-то предпринять, – пророкотал чей-то голос, очевидно, заканчивая фразу.

Опалин ощутил резкий толчок локтем в бок и недовольно мотнул головой, не открывая глаз.

– Давайте Ваню туда пошлем, пусть он его арестует, – предложил другой голос, и Иван даже в полусне понял, что говорит желчный.

– Опалин! – Твердовский повысил голос. – Ты как? Согласен?

Опалин понял лишь, что к нему обращаются и ждут его ответа. У него возникло ощущение, что к его векам кто-то привесил пудовые гири, и потребовалось нешуточное усилие, чтобы просто открыть глаза.

– А ордер будет? – промямлил он, в глубине души надеясь, что никто ничего не заметил.

– Какой ордер?

– Как какой? На арест.

В кабинете повисла странная пауза, и неожиданно все присутствующие разразились громким хохотом. Облака табачного дыма закачались и стали выползать в окно. Смеялся даже желчный, который обычно даже не улыбался.

– Ну Ваня! Ну шутник! – Он восхищенно покрутил бритой головой.

Опалин сидел, чувствуя, что у него нет сил даже рассердиться, хотя обычно он был вспыльчив, как порох. Волевым усилием он отлепился от стены и потряс головой, пытаясь сосредоточиться.

– А нечего спать на оперативном совещании, – заметил Лошак, бодрый румяный комсомолец, который предпочитал заниматься бумажной работой, а сомнительное счастье гоняться за вооруженными до зубов бандитами предоставлял другим.

– Я не спал, – огрызнулся Опалин, который не выносил, когда ему делали замечания люди, которых он не уважал. – И вообще, шел бы ты...

– Отставить ругань! – велел Твердовский, сверкнув глазами. Он впервые возглавлял оперативное совещание в отсутствие их начальника Филимонова и оттого особенно старался не выпускать происходящее из-под контроля. – Ваня, ты ведь даже не слышал, о чем я говорил.

– Почему? Слышал.

– Ну и? Повтори, что я говорил.

Опалин почувствовал себя, как школьник, у которого спрашивают урок, который он не выучил. Хотя он был очень молод, ощущение это было ему крайне неприятно – даже неприятнее, чем придирки старого каторжанина из ведомственного тира, который обучал новых агентов угрозыска стрельбе.

– Я не понимаю, почему это дело пытаются спихнуть на нас, – вмешался Вася Селиванов. Вася дружил с Опалиным, и мысленно Иван поблагодарил его за поддержку.

– Да и дела-то никакого нет, – неожиданно поддержал его Касьянов, желчный агент с бритой головой. – Какой-то дуре что-то привиделось...

– Не дуре, – возразил Твердовский. – Мы имеем уже несколько жалоб...

– Скажи мне вот что, – перебил его Касьянов, нагибаясь через стол, – в какой статье уголовного кодекса РСФСР говорится о привидениях? Нет, я серьезно. На каком основании мы должны за ними гоняться?

Опалин вытаращил глаза. Он по-прежнему ничего не понимал.

– Тебе перечислять статьи о мошенничестве? – уже сердито спросил Твердовский. – Ясное дело, что там нет никаких привидений. И все же – в усадьбе творится что-то странное!

– Вот и прекрасно, – снова подал голос Селиванов. – Пусть ребята с Садовой-Сухаревской этим займутся. – Он имел в виду их коллег из губернского угрозыска, главная контора которых находилась именно там.

– Мало, что ли, у нас в Москве работы? – проворчал кто-то из угла.

Твердовский выдержал легкую паузу, оглядывая обращенные к нему лица.

– Ребята с Садовой, – уронил он веско, – не справились. В усадьбе побывал Бураков.

– Ну и? – поощрил его Касьянов. Твердовский пожал плечами.

– Год назад он бросил пить. А сейчас опять запил.

– Из-за привидения, что ли? – недоверчиво спросил Лошак.

– Там не только привидение. Там что-то еще. И это что-то до смерти напугало Буракова. Хотя, – Твердовский вздохнул, – мы знаем, что он не из тех, кто боится. И бандиты в него стреляли, и белые в войну к стенке поставить хотели. В общем...

– Да не может там ничего быть, – промямлил Лошак. – Какие-то бабкины суеверия... Или кто-нибудь из местных мутит воду, – добавил он в порыве вдохновения. – Контра какая-нибудь...

– Если это контра, странно, что Бураков ее не разглядел, – буркнул кто-то из присутствующих. – Вообще, товарищи, вся эта история...

Твердовский дернул щекой и раздавил папиросу в пепельнице. Опалин почувствовал, что веки его снова тяжелеют, и мотнул головой, борясь со сном.

– Ваня! – донесся до него голос Твердовского.

– А? – Иван поспешно выпрямился.

– Вот что: командирую тебя в эту чертову усадьбу. Даже выдам тебе ордер на арест шутника, который там развлекается. Имя впишешь сам. Если там и впрямь какая-то контра окопа-

лась и возмущает народ, – Твердовский нахмурился, – телеграфируй и требуй подкрепление. Все понял?

– Погодите, погодите, Николай Леонтьевич, – забормотал Опалин, – это же... А как же Михельсон?

– Что – Михельсон?

– Я его ловлю. Я...

– Не ты один его ловишь, – оборвал его Твердовский. – Михельсона мы и без тебя поймаем, а у тебя теперь другая задача. Ты едешь в усадьбу Дроздово, в которой, по словам местных товарищей, творится что-то неладное. Уверяют, что там шалит привидение, но так как ты политически грамотный советский гражданин, ты понимаешь, что никаких привидений не бывает...

Если бы какого-нибудь выдающегося философа попросили объяснить, каким образом политическая грамотность связана с отрицанием привидений, бедняга, наверное, вывихнул бы себе последние извилины, пытаясь нащупать связь между этими явлениями. Но Николай Леонтьевич не видел тут абсолютно никакого противоречия. Кроме того, от него не укрылось, что Опалин обижен из-за того, что его отстраняют от поимки Михельсона, и Твердовский решил подбодрить юного коллегу, не забывая о том, насколько логично это выглядит.

– Николай Леонтьевич...

– Ваня, хватит. Кто-то должен туда поехать и во всем разобраться. Я решил, что это будешь ты. На месте осмотришься, разговоришь народ. Внешность у тебя располагающая, опасений не вызывает. Разрешаю тебе даже жаловаться, что тебя туда отправили, а ты ни сном, ни духом... А вообще – держись начеку и помни про Буракова. Много не пей. Ты меня понял?

Опалин позеленел. Мало того, что его выдерживали с интереснейшего дела, которое он считал своим, так еще и при товарищах наставляли, как какого-нибудь пацана. Не пей! Как будто он вообще склонен дружить с бутылкой...

– Коля, пошли с ним кого-нибудь, – проворчал Касьянов. – Ну куда ему одному туда соваться? Он же зеленый совсем.

– У нас нет свободных людей, – отрезал Твердовский и снова обратился к Опалину. – Материалы я тебе передам. От остальных дел ты освобождаешься до особого распоряжения. Выезжаешь... – он скользнул взглядом по бледному от бессонницы лицу юноши, – в общем, завтра чтобы был на месте. Усадьба не рядом с железной дорогой, так что пошли телеграмму, чтобы тебя встретили. Вопросы есть?

Опалин вздохнул.

– Где мне найти Буракова? – спросил он. – Я хочу с ним поговорить.

– Не получится, – хмуро ответил Твердовский. – У него белая горячка. Сорвался, ну и... допился, короче. Еще вопросы?

– Какие наши версии? – спросил Иван, машинально подражая тону отсутствующего Филимонова.

– Версии? Ты же слышал. Кто-то развлекается, изображая привидение и пугая местных жителей. Твоя задача – вычислить, кто это делает, и арестовать его в случае, если ты можешь доказать злой умысел.

– Он не сможет этого сделать, – не утерпев, вклинился Касьянов. – Уголовный кодекс...

– Ай, да хватит, – перебил его Твердовский с гримасой раздражения. – Кто бы этим ни занимался, он преследует какую-то цель. Какую? На что он рассчитывает? Вот в чем вопрос! И твоя задача – найти ответ. Ты все понял?

Опалин понимал, что его застали врасплох и повесили на него какое-то мутное дело, которым никто из коллег не желал заниматься. Подмосковная усадьба, какое-то привидение, запивший агент угрозыска... Все это выглядело как-то несерьезно, да что там несерьезно – папахивало карнавалом, скверной шуткой, чепухой. Пока его коллеги в Москве будут ловить

Михельсона, кровавый след за которым тянулся через несколько губерний, Опалин будет отслеживать в глуши несуществующее привидение. От одной мысли об этом у него становилось кисло во рту.

– Ты все понял? – повторил Твердовский с расстановкой, и Иван понял, что от него ждут ответа.

– Все, Николай Леонтьевич, – выдавил он из себя.

Он не мог избавиться от мысли, что их настоящий начальник Филимонов никогда не стал бы подвергать его такому унижению. Юному сотруднику угрозыска казалось, что не может быть ничего нелепее дела, которое ему поручили. Однако последующие события доказали, что он заблуждался.

Глава 2

Огурцы и клубника

На следующий день одинокий пассажир сошел с поезда на станции, затерявшейся среди зеленых просторов Московской губернии. Паровоз зашипел, как гигантский самовар, пустил толстый клуб дыма и укатил, волоча за собой хвост из вагонов, а пассажир стал вертеть головой, высматривая встречающих. Платформа, единственным украшением которой являлась билетная будка с закрытым окошечком, была гола и пуста. Слева взгляд вновь прибывшего уперся в зеленеющий в отдалении лес, а справа возле станции приткнулся одинокий домик, за которым виднелись грядки огорода. Белая коза, привязанная снаружи к плетню, деловито объедала траву. Она повернула голову в сторону Опалина, сказала «Ме-е» голосом Лошака, шевельнула ушами, отгоняя мух, и продолжила свою трапезу. Кроме козы, поблизости не наблюдалось ни одного живого существа.

Опалин снял фуражку, вытер лоб рукавом и вернул головной убор на место. В следующее мгновение он инстинктивно почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Возле двери домика материализовался гражданин в форме с петлицами ГПУ, и, покосившись на них, Иван сообщил, что их обладатель, должно быть, отвечает за порядок на станции. У него были рыжие волосы, рыжие усы, рыжие глаза и рыжие веснушки – но ни один человек на свете не назвал бы его ярким или заметным. С виду он казался почти тщедушным и обыкновенным, как лист на дереве. Незнакомец тем временем смерил вновь прибывшего взглядом, считал зеленые петлицы на воротнике его гимнастерки и неспешно двинулся к нему.

– Здравсьте, – начал Опалин, ломая голову, с чего начать разговор.

– Здорово, – последовал ответ. – Из Москвы? Павлов, верно? Это тебя в Дроздово прислали?

– Я Опалин, – буркнул Иван и, понимая, что обижаться нельзя, все же глупейшим образом обиделся. – Я телеграмму прислал, чтобы меня встретили...

– Знаю, – кивнул собеседник. – Витя Терешин, – он протянул руку, и, пожимая ее, Опалин неожиданно понял, что узкоплечий невысокий агент на самом деле куда сильнее, чем кажется. – У них лошадь болеет, – он мотнул головой, указывая куда-то в сторону леса.

– Так что, они меня не встретят?

– Приедут, куда денутся, – равнодушно ответил Витя. – Заходи, не стой на солнцепеке. С козой только поосторожнее, та еще сволочь. Хуже собаки.

Коза, подняв голову, настороженно следила, как Опалин проходит в калитку. Неожиданно она прыгнула вперед, пытаясь достать его рогами, но Иван был предупрежден и успел проскочить прежде, чем она оказалась рядом.

– Хороший у вас тут огород, – не удержался он, поглядев на ухоженные грядки, которыми явно занимался какой-то опытный и любящий копать в земле человек.

– И не говори, – вздохнул агент. – Огурцы, сволочи, так и прут, так и прут. В этом году их просто пропасть. А я, знаешь ли, клубнику люблю. Мне ее нельзя, я от нее пятнами покрываюсь, а все равно люблю. Но клубника тут не приживается, представляешь? Зато огурцы лезут отовсюду, я их уже видеть не могу. Наверное, если я елку посажу, на ней тоже огурцы вырастут.

– А что тебе огурцы не нравятся?

– Так я же столько не выпью, – признался Витя, пожав плечами.

– Ну, – осторожно заметил Опалин, проходя за хозяином в дверь дома, – их и без выпивки можно...

– Куда? Это ж огурцы. Ни вкуса, ни запаха – вода одна. И зеленые, – с отвращением добавил собеседник. – Садись.

Опалин сел и огляделся. Он и сам не мог сказать, что, собственно, ожидал увидеть в доме собеседника; может быть, портрет Ленина или Дзержинского на стене, но никаких портретов видно не было, только на календаре смутно темнел кто-то усатый с зажатой в пальцах папиросой. Покосившись на приоткрытую дверь, за которой располагалась другая комната, Опалин увидел в глубине красный угол с иконами. Проследив за его взглядом, агент подошел к двери и неторопливо прикрыл ее, после чего сердечнейшим образом улыбнулся. Было бы преувеличением сказать, что в его улыбке таилась скрытая угроза, но отчего-то гостю при виде ее уже не захотелось упоминать насчет икон и вообще как-то подавать вид, что он их заметил.

– Чаю будешь? Или чего покрепче? – спросил хозяин.

– Лучше чаю, – сказал Опалин. – Мне начальство пить запретило.

– Да? Что так?

Иван оказался в затруднительном положении, и тут его осенило.

– Может, ты помнишь, сюда передо мной приезжал агент...

– Помню. Семен Бураков, верно?

– Ну. Короче, он это... Как вернулся, допился до белой горячки. – И, изгнав из головы мысль об иконах, которые ну никак не стыковались у него с сотрудником известного ведомства, Иван доверительно наклонился вперед. – Слушай, раз ты все тут знаешь, скажи мне, только честно. Что тут творится?

Рыжий невзрачный человечек, меряя его взглядом, медлил с ответом. Скрипнула, поворачиваясь на петлях, дверь, и на пороге возникла крестьянского вида молодая женщина с платком на голове. У нее было круглое лицо, голубые глаза и светлые волосы. Всем своим видом она словно излучала безмятежность, и, хотя ее нельзя было назвать красавицей, симпатию она внушала с первого взгляда.

– Марфа, жена моя, а это из Москвы товарищ, – сказал хозяин дома, обернувшись к ней и кивая на гостя. – В Дроздово приехал, чертей гонять. – И он хохотнул. – Ты это... чайку бы нам. Хотя нет, – поправил он себя, – какой чай по такой жарнице... Квас есть?

– Квас есть, – подтвердила жена.

– Ну давай, неси, что ли...

Марфа покосилась на Опалина и вышла.

– Я тебе не помешал? – не удержался Опалин.

– Хороший человек помешать не может, – ответил Терешин, интонацией ухитрившись запихнуть в эту незамысловатую фразу как минимум два слоя подтекста. В первом он словно сомневался, хороший ли человек его гость; во втором как будто посмеивался над собственными сомнениями. Был там, возможно, и третий слой, которым агент давал понять, что на самом деле ему на Опалина совершенно плевать. Иван, который всегда и во всем предпочитал прямоту без всяких подковырок и задних мыслей, почувствовал, что теряется.

– Ты меня спрашивал, что тут творится, – продолжал хозяин дома, стоя и барабанив пальцами по столу. – Ничего хорошего. Ты где жить собираешься?

– Ну, – начал Опалин, – раз все, как я понял, происходит в усадьбе, я собирался там и поселиться.

– Зря, – бесстрастно уронил Терешин.

– Слушай, я не собираюсь бояться суеверий...

– Дроздово всегда было проклятым местом, – отрезал агент. – На твоём месте я бы держался от него подальше.

Иван напрягся. На мгновение ему показалось, что собеседник пытается разыграть его; но для розыгрыша тот был слишком серьезен.

– Ты хочешь, чтобы я поверил...

– Я ничего не хочу, – оборвал его Терешин. – Ты же ничего о Дроздове не знаешь, верно? Тут до революции жил некто Вережников... хотя вообще-то усадьба принадлежала не только

ему, но и его брату Федору. Но тот Вережников, о котором я говорю, чем только не занимался. Вызывал духов, предсказания делал... спиритизм и все такое. К нему даже Распутин приезжал...

– Какой Распутин? – пробормотал Опалин.

– Ты совсем тупой или прикидываешься? – Терешин смерил его неприязненным взглядом. – Тот самый, конечно.

Опалин сидел, хлопая глазами, и чувствовал себя дурак дураком. Вот вам, пожалуйста: коза у плетня, мирный разговор об огурцах и нате – где-то рядом бродил Распутин, не говоря уже о бывшем хозяине усадьбы, который занимался всякой чертовщиной.

– А что Распутин... Я хочу сказать, зачем он...

– Он хотел знать, что его ждет. Сергей Иванович ему предсказал, что его сожгут.

– Вздор, – решительно объявил Опалин. – Распутина застрелили, а потом утопили...

– Да, но труп его потом откопали и сожгли, так что Вережников некоторым образом оказался прав. – Терешин усмехнулся.

– А себе самому Вережников ничего не предсказал? – спросил Опалин, в котором разыгрался дух противоречия.

– Этого я не знаю, – подумав, ответил собеседник. – Но и он, и его брат смылись за границу еще в 16-м году.

– Как они сумели? Ведь шла война...

– Ну, у них были деньги. И золото, и еще какие-то ценности. Вокруг Вережникова много разного народа вертелось, – добавил агент сквозь зубы, – некоторые вообще на него смотрели, как на бога, и несколько богатых старух ему завещали свое имущество. Время было гнилое...

Он замолчал, потому что вернулась Марфа с квасом. Потом в комнату бесшумно вошла огромная собака величиной с теленка, и Опалин даже вздрогнул, уловив на себе ее пытливый взгляд.

– А я ее не заметил снаружи... – вырвалось у него.

– А она у нас такая. Прячется, – усмехнулся Терешин.

Собака устроилась у его ног. Полоса света из окна ложилась на ее темную лоснящуюся шкуру косым ромбом. Марфа удалилась, но вскоре вернулась с хлебом и малосольными огурцами. Хлеб был прекрасен. Огурцы хрустели на зубах. До того Опалин даже не сознавал, до чего он проголодался. Все, о чем он хотел спросить своего хозяина, вылетело у него из головы. Он наслаждался немудреной едой и даже не обратил внимания, когда снаружи послышались звуки подъехавшей телеги и мужской голос, кричавший «Тпру».

– Это за тобой, – сказал Терешин.

Опалин опомнился и, повернувшись к Марфе, неловко поблагодарил ее за угощение.

– Подожди, я тебе огурчиков с собой дам, – сказала она. – Только банку потом верни, ладно?

Иван покраснел и стал просить Марфу не утруждать себя, но хозяйка, видимо, уже приняла решение и через несколько минут принесла громадную банку с огурцами, которую торжественно вручила гостю.

– Бери, бери, – весело сказал Терешин, – я ж тебе говорил: огурцов у нас прорва, так что все нормально. – Неожиданно он перестал улыбаться и пристально поглядел на Опалина. – И помни, что я тебе говорил про усадьбу.

Иван поправил фуражку и, обняв банку с огурцами, вышел из дома. Чутье его не обмануло: снаружи его ждала обыкновенная телега, а возницей оказался мужик лет 50, заросший бородой до самых глаз. Он удивленно поглядел на Ивана и обратился к Терешину, который остановился на пороге.

– Это он, что ль?

– Он, он, – подтвердил агент, усмехаясь. – Из Москвы прислали. Даже не сомневайся.

– Да, – вздохнул возница, рассматривая Опалина, – прежний, конечно, был того... посolidнее... И револьверт у него. Сразу видно: начальство! А это что? Мелкий какой-то...

– Я помощник агента уголовного розыска, – сказал Опалин, сверкнув глазами, – и это... пистолет у меня тоже имеется, кстати!

Тут проклятая банка сделала попытку выскользнуть у него из рук, и он, похолодев, едва успел вернуть ее в прежнее положение.

– Ясно, – снова вздохнул возница. – Совсем они там в Москве обмельчали, видать... Ну, полезай, пистолет, что ли...

Опалин забрался в телегу и поставил банку с огурцами рядом с собой. Коза, о которой все забыли, сделала попытку лягнуть его, но ей не хватило длины веревки, которой она была привязана, и коза ограничилась тем, что злобно проблеяла нечто, судя по всему, неприличное.

– Ну, ну, не шали, – сказал Терешин, усмехнувшись.

Телега затряслась по дороге, двигаясь к лесу, и Опалин, сидя в ней, видел, как уходят от него станция, домик, его хозяева и негостеприимная коза. Потом лошадь свернула за деревья, и все пропало из виду.

Глава 3

Пантелей

Телега ползла по дороге. Трава на обочине вымахала ростом по пояс взрослому. Возница делал вид, что его не интересует ничто, кроме лошади, но Опалин видел, как он то и дело поглядывает на столичного гостя, и первым решился нарушить молчание.

– Тебя как зовут-то? – спросил он.

– Пантелей я.

– А фамилия как?

– А тебе зачем? – насторожился собеседник.

– Просто чтобы знать.

– Просто, значит? – усмехнулся возница, и глаза его превратились в щелочки. – Хе!

– Ну не хочешь, не говори, – буркнул Опалин, которому уже стал надоедать этот сюрреалистический разговор.

– Никифоровы мы, – тотчас же отозвался возница. Колесо провалилось во впадину, оставленную высохшей лужей, банка с огурцами подпрыгнула с неожиданной резвостью и едва не свалилась с телеги. Проклиная все на свете, Опалин поймал юркую банку и запихал поглубже в солому на дне, откуда ей затруднительно было выкатиться наружу.

– Ты... э... в усадьбе живешь? – спросил он, поворачиваясь к вознице.

– Что ты! – ужаснулся Пантелей Никифоров. – Я, слава богу, в деревне. В усадьбу-то меня калачом не заманишь.

– А как деревня твоя называется? – машинально спросил Опалин, прихлопывая комара, который собрался полакомиться его кровью.

– Как называется? – усмехнулся Пантелей. – Хе!

– Ну название у нее есть?

– Ну, – осторожно начал возница, – при царе она вроде как Николаевка была.

– А потом?

– Что – потом?

– Ее что, переименовали после революции?

– После-то... Хе! – Пантелей затрясся от смеха. – После ведь как вышло? Деревню-то нашу хотели в честь Троцкого обозвать, да никак договориться не могли. Ну, насчет названия. То ли Троцковка, то ли имени Троцкого... Да! А потом оказалось, что в честь Троцкого, понимаешь, не нужно. Лишнее это, и вообще...

– Значит, деревня по-прежнему зовется Николаевка?

– Ну кому как, – двусмысленно ответил возница. – Так-то ее теперь Дроздовкой кличут, по усадьбе. – Он вздохнул. – Да только никто из тех, кто здесь живет, это название слышать не хочет.

– Это потому, что у усадьбы дурная слава? – спросил Опалин.

– Какая еще слава? – проворчал возница, очевидно, далекий от городских и более замысловатых оборотов речи. – Гиблое место, говорю я тебе! Оно всегда такое было. И отец мой так говорил, и дед. Там помещики жили, Вережниковы их фамилий. Деда деревенские убили, за жестокость. В Сибирь тогда много народу из наших пошло... Потом царь дал волю, полегче стало, хоть и не намного. Господин сам по себе, мы сами по себе. Этот Вережников вроде неплохой был, врать не буду – помогал земскую больницу строить, то да се. Школу хотел сделать, но не успел. А его сыновья...

– Это последние хозяева, что ли? – не утерпел Опалин.

– Угу. Федор Иванович инженер был, занятой человек. В жене души не чаял, а жена от него бегала, с господами разными путалась и даже, говорят, с кучером. А Сергей Иванович был колдун, это всем известно. Когда, значит, царя сбросили, – доверительно прибавил возница, – мы собрались и хотели этот проклятый дом сжечь дотла, чтобы ничего не осталось. – Он вздохнул.

– И что? – не утерпел Опалин.

Он снял фуражку, положил ее рядом с собой, свесился с телеги, на ходу сорвал травинку и стал покусывать ее.

– Как же его сожжешь, когда его колдун защищает, – буркнул Никифоров, насупившись.

– Я думал, Вережниковы к тому времени уже уехали из страны. Нет?

– Ну, может, и уехали. Только колдун вернулся. Призрак его теперь тут бродит, понимаешь?

– Давно?

– Ась?

– Давно призрак-то бродит?

– Ну, не сказать, чтобы давно. С месяца, а то и того меньше.

Опалин мысленно прикинул, что это означает, что призрак впервые объявился где-то в конце мая.

– Ты его видел? Сам, лично?

– Да зачем мне такие страсти? – воскликнул возница.

– Значит, ты его не видел, а кто его видел?

– Кто в усадьбе живет, те и видели. Там он бродит.

– А кто сейчас живет в усадьбе?

– Да, кажись, никто. Лидия Константиновна перебралась во флигель. Комсомольцы ушли жить в деревню. Доктор теперь ночует в больнице. Платон Аркадьич... а, вот он остался. Два засова на дверь приладил, и окна на ночь закрывает. Что призраку его засовы? Он и сквозь дверь пройдет, и где хошь.

Опалин уже знал, что Лидия Ермилова и Платон Киселев – учителя школы, которую разместили в здании усадьбы Дроздово, и что там же были отведены помещения для комсомольской ячейки. Собственно говоря, первые сигналы о происходящем в усадьбе поступили от двух комсомольцев – Демьянова и Проскуриной, которые прибыли из города укреплять влияние комсомольской организации и никак не ожидали, что им придется столкнуться с привидением.

– А сторож? – спросил Иван. – Он где живет?

– У него отдельная сторожка. Но по ночам он носу из нее не кажет. Боится.

– Призрака боится?

– Конечно.

– А что он делает?

– Кто? Сторож?

– Я призрака имел в виду.

– Станные вы там в Москве, ей-богу, – вздохнул Никифоров. – Что призрак может делать? Бродить и пугать живых. Неприкаянный он.

– И что, в деревне прямо так о нем говорят? Что он неприкаянный?

– Конечно. Он большой грешник был, Сергей-то Иванович. Вот и...

– А почему вы решили, что это именно Сергей Иванович?

– Ну так а кто же еще? Он это, беспреренно он! Брат-то его приличный был барин, он бы не стал после смерти тут шататься...

Опалин задумался. Солнце светило ярко, нагретая трава пахла так, что кружилась голова – и в этот ясный июньский день он должен был найти хоть что-то, хоть какую-то зацепку, которая объясняла происходящие в Дроздово события. Пока он узнал лишь, что дурная слава усадьбы возникла не вчера и что совершенно разные люди, которые в ней жили, предпочли от

греха подальше перебраться кто куда. За исключением, тотчас же вспомнил Опалин, одного-единственного человека, который...

– Скажи, ты хорошо знаешь учителя Киселева? – быстро спросил Иван.

– Учителя-то? Как не знать. Знаем!

– Он из этих мест?

– Не. Городской.

– И давно он тут живет?

– С рождества.

С заменой старого стиля новым рождество падало на 7 января. Значит, Платон Аркадьевич появился в усадьбе в начале 1926 года, а призрак объявился в мае... В мае...

– А Ермилова? – на всякий случай спросил Опалин.

– Так она всегда в Дроздово жила.

– В смысле?

– Так мамаша ее приходилась хозяевам бедной родственницей. Потом Вережниковы уехали...

– В 16-м году, я знаю. А Ермилова с матерью тут остались?

– Да. Мать ее от тифа потом померла.

– А что насчет отца?

– Да я уж и не помню. В земской управе он вроде состоял. Его случайно на охоте убили, под пулю подвернулся.

– Когда именно убили?

– Да тому уж лет тридцать, не меньше. Это ж когда было... А тебе зачем знать?

– Работа такая, – коротко ответил Опалин.

И в следующее мгновение он увидел дом.

Это была прекрасная старинная усадьба в два этажа, с колоннами по фасаду – прекрасная даже теперь, когда краска облупилась и кое-где из-под нее выглядывали пятна кирпичной кладки. Изящнойковки ворота были распахнуты настежь, и створки их, очевидно, давно завязли в земле. По подъездной аллее, обсаженной липами, Опалин подкатил, как принц – и ничего, что под ним скрипела старая телега, а всего имущества при нем была только банка с огурцами, и та чужая. Забыв обо всем, он во все глаза смотрел на усадьбу – и не мог уловить в ней ничего, ну ничего решительно зловещего или сверхъестественного. Да, старый дом, да, немного неухоженный – и только. Он стоял, озаренный солнцем, и кусты жасмина возле крыльца покачивали ветками, словно приветствуя вновь прибывшего. А за несколько минут до того, как телега остановилась и Опалин выбрался из нее, в одной из комнат первого этажа состоялся весьма примечательный разговор.

Глава 4

Чичиков со шрамом

– Едет, едет наш ловец мертвых душ, – иронически объявил сухощавый гражданин лет 35 с изрезанным морщинами худым лицом. Он обращался исключительно к светловолосой ровеснице в черной юбке и ситцевой блузке, но по манерам говорящего, по его жестике можно было подумать, что он беседует с целой аудиторией. – Вовремя я настроил на чердаке телескоп, Лидия Константиновна! Хотите знать, как выглядит сей новый Чичиков? Пожалуйста: юнец, которому нет и 20. Брюнет, физиономия совершенно разбойничья...

– Платон Аркадьевич!

– Но дамам может понравиться. – Киселев улыбнулся, и морщин на его лице стало чуть ли не в два раза больше. – На виске у него здоровенный шрам – полагаю, полученный при ловле предыдущих душ...

– Платон Аркадьевич, прошу вас... Не стоит восстанавливать его против себя. Пойдемте лучше встретим его, что ли... И как вы не боитесь ходить на чердак!

– Я, Лидия Константиновна, устал бояться. Я себя уж перестал уважать, – ответил учитель другим тоном, перестав улыбаться. – Ну-с, посмотрим, что это за ферт...

«Ах, боже мой, только бы не вышло какого-нибудь скандала!» – с тревогой подумала Лидия Константиновна. Она машинально поправила прическу, поискала глазами зеркало, но его поблизости не оказалось. Киселев, как все мужчины, неверно истолковал происходящее, и его настроение, которое и так нельзя было назвать радужным, тотчас ухудшилось.

«Вот, пожалуйста... Женщины! Приехал черт знает кто, и она уже прихорашивается. Как будто из визита этого сопляка может выйти что-то, кроме неприятностей...»

Дверь лязгнула, солнце ударило в глаза – Киселев и его собеседница вышли из дома и спустились по ступеням крыльца. Тот, кого учитель называл новым Чичиковым, стоял возле телеги и вытаскивал из нее большую банку огурцов. Спohватившись, что его фуражка не надета и лежит на дне телеги, Опалин обхватил одной рукой банку, а другую протянул к фуражке; но тут коварная стеклянная тара едва не выскользнула и не упала на землю. Шепотом ругнувшись, Иван поставил банку на телегу, воинственно нахлобучил фуражку, цепко ухватил дар Марфы обеими руками и повернулся к вышедшей из дома паре.

– Здравствуйте, – сказала Лидия Ермилова, с удивлением разглядывая его. – Это вы Павлов из московского угрозыска?

Опалин побурел лицом.

– Я Иван Опалин, это телеграфисты напутали, – сказал он сипло. – А вы...

– Ермилова, Лидия Константиновна. Я учительница местной школы первой ступени и исполняю обязанности ее директора.

Тут снова возник конфуз, потому что он боялся отпустить банку и не мог пожать руку собеседнице. Спутник учительницы иронически улыбнулся. Его улыбка длилась какие-то доли секунды, но Опалин, обладавший даром на лету схватывать нюансы, заметил эту улыбку и тотчас понял, что ее обладателю он антипатичен – даже при том, что до сих пор они не обменялись и парой слов.

– А вы... – начал Иван, поворачиваясь к нему.

– Платон Аркадьевич Киселев. Здешний учитель. Я толстовец, – прибавил собеседник, приосанившись. – Надеюсь, вы не против?

– Против чего?

– Непротивление злу насилием – великая идея, – серьезно сказал Киселев. – Боюсь только, что человечество еще до нее не доросло.

– Если злу не сопротивляться, оно одержит верх, – заметил Опалин. И Лидия Константиновна, которая имела достаточно времени, чтобы хорошо узнать учителя, с некоторой досадой подумала, что сейчас ей придется стать свидетельницей философского спора – совершенно, с ее точки зрения, ненужного в этот момент.

– Нет, товарищ Опалин, вы не понимаете, – внушительно заговорил Платон Аркадьевич. – Если жизнь каким-то своим краем отрицает воззрения Толстого, тем хуже для жизни. Его учение на века, и рано или поздно оно восторжествует, потому что в нем одном может быть прибежище честного человека. Оно говорит о добре, о правде и духовном самосовершенствовании. Подходить к нему с узкой меркой...

– Это что у вас за огурцы? – не утерпела Лидия Константиновна, обращаясь к вновь прибывшему.

– На станции подарили, – объяснил Иван, обрадовавшись перемене темы. По молодости он не был силен в отвлеченных спорах и оттого инстинктивно их не любил. – Банку я обещал вернуть, не забыть бы... Куда мне идти?

– Лидия Константиновна, я вам больше не нужен? – спросил возница.

– Нет, голубчик. Спасибо, что довез нашего гостя...

– Вы про спички-то не забудьте, вы мне спички обещали, – напомнил Пантелей, насупившись. – Одним спасибо сыт не будешь...

– Вот ваши спички... Вы же знаете, я свое слово держу. Сюда, Ваня. Простите... ничего, что я вас Ваней зову?

Опалин ответил, что он совершенно не против. Они вошли в дом, миновали две классные комнаты с досками, партами и школьными скамейками, физкультурный зал и музыкальный кабинет. Хотя стояло лето и дети уже не занимались, Иван, втянув носом воздух, разом вспомнил все – и запах чернил, и скрип мела в руке, и тряпку, которой стираешь с доски написанное. Затем последовали нежилые комнаты, и в углу одной из них стояли свернутые транспаранты, а на столах свернулись трубками какие-то плакаты.

– Это наших комсомольцев, – объяснила Лидия.

– Их зовут Проскурин и Демьянова, я правильно помню? – спросил Опалин. – Где они сейчас?

– Должны быть в деревне, – ответил Киселев. – Кстати, ваш товарищ уже с ними беседовал.

– Это неважно, мне все равно придется их допросить, – ответил Опалин.

Они вошли в небольшую, но приятную на вид комнату, и, скользнув взглядом по обстановке, Иван понял, что к его приезду готовились. Возле рукомойника – чистое полотенце, железная кровать в углу застелена, на стене картина – натюрморт с фруктами. Опалин поставил на стол банку и подошел к окну, за которым раскинулись кусты сирени.

– Как насчет лампы? – спросил он. – Сейчас светло, но вечером стемнеет...

– Зачем лампа, у нас тут электричество есть, – вмешался Киселев и щелкнул выключателем, который гость сразу не заметил.

– А! – вырвалось у пораженного Ивана.

– Федор Иванович был инженер, – пояснила Лидия. – Он установил на пруду плотину, а на ней поставил домик с динамо-машиной, которая создает электричество... На рождество на елке зажигали гирлянды... – Она говорила и словно молодела на глазах. Так-то она казалась поблекшей блондинкой, которую жизнь не слишком баловала; но сейчас, когда она вспоминала то, что было раньше...

– Мне кажется, Лидия Константиновна, – негромко заметил учитель, – нашему гостю это неинтересно.

Опалин снял фуражку, бросил ее на кровать, сел рядом и воззрился на своих собеседников. Оба казались нервными, но это была нормальная, так сказать, нервность, возникаю-

щая от первого контакта с незнакомым человеком, который как-никак является представителем власти.

– Вы, наверное, проголодались с дороги, да? – сказала Лидия со слабой улыбкой.

Глядя на Опалина, она окончательно убедилась, что Платон Аркадьевич покривил душой, приписав их гостю разбойничью физиономию. Лидия видела только худого, скверно одетого губастого юношу с тонкой шеей, которого хотелось накормить. У него были крупноватые, четко вылепленные черты лица, и смотрел он хмуро и исподлобья, но от нее не укрылось, что глаза у него умные – и вообще, раз его прислали сюда, он, должно быть, вовсе не прост.

– Ну, я не против... – пробормотал Опалин. – Только умоюсь, приведу себя в порядок... и вообще...

– Столовая в другом крыле, – сказала Лидия. – Приходите, когда приведете себя в порядок... Кстати, как вы насчет окрошки?

Опалин заверил ее, что обожает окрошку, и успокоенная учительница вышла. Киселев, хмурясь, проследовал за ней. Он предсказывал, что приезд муровского агента повлечет за собой массу проблем – но основной проблемой пока было то, что приехал какой-то совершенно несолидный юнец, который зачем-то приволок с собой громадную банку огурцов и, похоже, был искренне рад чистому полотенцу и железной койке.

На кухне Лидия засуетилась, повязала фартук и достала доску. Платону Аркадьевичу было неприятно, что она так старается ради какого-то мальчишки. Он сел в углу и стал смотреть в сторону, но Лидия уже достала квас и принялась крошить огурцы, не обращая на него внимания.

– Ну, как вам наш Чичиков? – спросил он.

Нет ничего хуже, чем когда вам говорят под руку. Лидия чуть не порезала палец ножом и почувствовала, что начинает сердиться.

– Перестаньте... Какой он Чичиков!

– Ну брусничного фрака с искрой, конечно, у него нет, – проворчал злопамятный учитель. – И вообще ничего нет, если вдуматься... Кроме браунинга в кармане. Предыдущий-то тоже с оружием был, а что толку? Вы же помните, чем все кончилось...

Лидия промолчала. Она достала пучок редиски и принялась деловито срезать розовую кожуру.

– Мне все-таки не по себе от того, что он будет ночевать в доме, – сказала она внезапно. – Зря я вас послушала, Платон Аркадьевич. Надо было устроить его во флигеле...

– Лидия Константиновна, голубушка, ну какой флигель! Там вы сама еле можете повернуться. И потом, вы забываете, зачем его сюда прислали. Он ведь из-за привидения сюда приехал. Вот пусть и...

Стоя за открытым окном, Опалин слышал весь разговор. Стыдно признаться, но мы не можем утверждать, что Иван оказался там случайно, и уж тем более – что исключительно по чистой случайности он расположился таким образом, чтобы говорящие его не заметили. Он пропустил мимо ушей намеки на фрак с искрой и разговоры о каком-то Чичикове; куда больше его заинтересовало, что Лидия Константиновна всерьез тревожилась за него и не хотела, чтобы он ночевал в доме. Непротивленец оказался куда менее приятной личностью, но Опалина чрезвычайно заинтриговало, откуда тот догадался о браунинге, который Иван не вынимал из кармана и вообще никак не афишировал. Чтобы распознать по очертаниям пистолет в чужом кармане, надо обладать не только острым глазом, но и хорошо разбираться в оружии, и Опалин решил, что надо будет обязательно выяснить, что же такое на самом деле представляет из себя скромный советский учитель Киселев.

Глава 5

Земляника и жасмин

Раскидистые ветви жасмина лезли в распахнутое окно. В саду заливались птицы. Опалин съел две тарелки окрошки и находился в том состоянии, когда человек пребывает в полнейшей гармонии с собой и с миром. На десерт Лидия Константиновна принесла землянику, которая пахла солнцем; но у гостя хватило сил съесть только несколько ягод. Он сидел, щурясь на солнечные пятна на скатерти, и, казалось, совершенно забыл, зачем вообще сюда приехал. Платон Аркадьевич, тоже отдавший окрошке должное, попросил у учительницы позволение закурить и получил его. От папиросы учителя вился голубой дымок. Из сада то и дело заглядывали в столовую маленькие ученики Лидии Константиновны, узнавшие о приезде важного человека из большого города, и изумлялись, заметив взъерошенного, обыкновенного и совсем не страшного гостя.

– А ты правда из Москвы? – допытывалась одна из девочек, забравшись на подоконник. – А пулемет у тебя есть?

Иван рассмеялся и признался, что пулемета у него нет.

– Какой же ты тогда начальник, если без пулемета? – с разочарованием сказала девочка.

– Ну вот такой я, – весело сказал Опалин.

Его собеседница поболтала ножкой, сидя на подоконнике, потом спрыгнула в сад и исчезла.

– Это Надя, – пояснила Лидия Константиновна, улыбаясь. – Внучка Евстигнееича.

– А Евстигнееич кто? – машинально спросил Опалин, не слышавший этого отчества прежде.

– Он был слугой у Федора Ивановича, – ответила учительница, немного смутившись.

– Это который инженер?

– Ну да.

Опалин вздохнул. У него было множество вопросов, на которые он желал получить ответы, и, раз беседа естественным образом зашла о бывших владельцах Дроздово, он решил не упускать шанс.

– Давайте начнем с самого начала, – заговорил он, глядя в лицо Лидии Константиновне, но при этом не упуская из виду Киселева, молча попыхивающего папиросой. – Итак, усадьба Дроздово до революции принадлежала братьям Вережниковым, Сергею и Федору. Э... кто был старшим?

– Сергей Иванович.

– Хорошо. Федор Иванович был инженером, это я знаю. Чем занимался Сергей Иванович?

Иван уже составил себе представление о том, чем занимался старший брат, но ему хотелось услышать ответ Ермиловой.

– Оккультными науками, – спокойно ответила она.

– То есть спиритизмом и... всякими такими штуками?

– Да.

Она явно напряглась, отвечая, и Опалин понял, что эта тема ей не слишком приятна. Платон Аркадьевич хмуро смотрел на цветущий жасмин за окном. Папироса дымилась в его пальцах.

– Я так понимаю, вы хорошо знали Вережниковых? – спросил Опалин. – Вы ведь жили в усадьбе?

– В общем, да. Когда отец умер, выяснилось, что после него осталось много долгов, и мы... Одним словом, я и мама перебрались сюда.

– Ваш отец был убит, верно?

Киселев нахмурился.

– Это был несчастный случай, – удрученно пробормотала Лидия Константиновна.

– На охоте, верно? И кто его убил?

– Неизвестно.

– Послушайте, – сказал Опалин, начиная раздражаться, – даже в царской России проводили дознание, вели следствие, и такие несчастные случаи не были исключением. Следовательно что-нибудь нашел? Ведь наверняка он должен был прийти к каким-то выводам...

Лидия Константиновна посмотрела на него с мукой во взоре.

– Судебный следователь закрыл дело. Виновного так и не нашли. Но ходили слухи, – она сглотнула, – что это был Федор Вережников.

Вот тебе на. Вообще-то Опалин ставил на другого брата.

– Честно говоря, – вмешался Платон Аркадьевич, – я не понимаю, какое это имеет значение сейчас, когда...

– Все имеет значение, – оборвал его Опалин, и Киселев поразился его изменившемуся тону. – За что инженер застрелил вашего отца? Он был пьян и палил куда попало? Или вашему отцу просто не повезло, что он подвернулся под пулю?

– В уезде считали, – мрачно ответила Лидия Константиновна, – что Федор Иванович хотел... хотел убить любовника своей жены. Он... он ревновал ее.

– А ваш отец...

– Нет. – Она резко мотнула головой. – Моему отцу, как вы изволили выразиться, не повезло. Он просто оказался не там, где надо.

– Как звали жену инженера?

– Зинаида Станиславовна, урожденная Чернецкая. Но...

– Вы хорошо помните, что происходило после гибели вашего отца? Не было никаких призраков... как это говорится... потусторонних явлений? Нет?

– Разумеется, нет, – пробормотала Лидия Константиновна, глядя на него во все глаза. – Я тогда была совсем маленькой, но из рассказов матери... она ни о чем таком не упоминала. И дядя Федор... если хотите знать, он был замечательным человеком. Если он и в самом деле тогда выстрелил... это могло быть только несчастным случаем, понимаете? Я... я никогда его ни в чем не упрекала. Он платил за мое образование, он...

Взволновавшись, она приложила руку ко лбу. Опалин не стал торопиться со следующим вопросом, дав ей время успокоиться.

– Где вы учились? – спросил он через некоторое время.

– В московской гимназии, а потом в Петербурге на курсах.

– То есть вы надолго уезжали из усадьбы?

– Да, но мама жила здесь, и я к ней возвращалась. Она... она привыкла... И у нас не было денег, чтобы жить в Петербурге, – добавила Лидия Константиновна, сделав над собой усилие. – Я давала уроки, но этого было мало. И она потеряла вкус к жизни после того, как отец... как его не стало. Она не хотела никуда переезжать... вообще не хотела двигаться. Даже когда в пятом году...

– А что тогда случилось?

– Как что? Волнения. Местные жители ворвались в дом, а потом попытались сжечь усадьбу.

А вот этого Пантелей не говорил, мелькнуло в голове у Опалина. Упомянул только про семнадцатый год.

– Они пытались сжечь ее, потому что ненавидели Вережниковых, или из-за того, что Сергей Иванович занимался этим... спиритизмом? – спросил он напрямик.

– Они считали его колдуном, – кивнула Лидия Константиновна. – Да, я думаю, главным образом из-за Сергея Ивановича. Но он их напугал, и они убежали.

– Как напугал? Чем?

– Я... Меня тогда здесь не было. Я слышала, он заставил ходить мебель. Мебель набросилась на них.

Опалин распрямился, недоверчиво глядя на собеседницу.

– В каком смысле, простите?

– Ну... мебель взбунтовалась и выгнала их из дома. Потом они собрались, попытались поджечь его, но началась страшная гроза, и... Огонь погас, не успев разгореться. После этого они долго боялись приблизиться.

Опалин поморщился и, чтобы собраться с мыслями, протянул руку к тарелке с земляникой и взял одну из ягод. Папираса обожгла пальцы учителю, и он, досадливо сморщившись, сунул ее в пепельницу.

– Я думаю, – буркнул Платон Аркадьевич, не удержавшись, – товарищ из Москвы скажет, что все это вздор.

– Нет, – внезапно промолвил Лидия Константиновна, качая головой. – Вы не знали Сергея Ивановича, а я знала. И я верю, что он многое мог. Однажды я без предупреждения вошла в кабинет, где... где он обычно давал сеансы. Он сидел за столом, закрыв глаза и подняв руки ладонями вверх, а вокруг него в воздухе кружились карты. И это был не трюк, не обман зрения. Я видела это точно так же, как вижу вас сейчас.

Искренность ее тона поразила Опалина.

– Его многие пытались уличить в шарлатанстве, – быстро продолжала Лидия Константиновна. – Говорили, что он пользуется людской доверчивостью, что он... Но он помогал и людям, у которых не было денег, и ничего не требовал взамен. Он действительно обладал сверхъестественными способностями и...

– Вы видели Распутина? – прервал ее Иван.

Лидия Константиновна открыла рот.

– Распутин... ох. Да, он приезжал сюда. У него был ужасный взгляд... гипнотический, – прибавила она, содрогнувшись. – Вокруг него сустились какие-то тараканоподобные людишки...

Последнее замечание заинтересовало Опалина. Оно выбивалось из общего строя речи собеседницы, и он подумал, что визит Распутина действительно произвел на Лидию Константиновну неизгладимое впечатление.

– Они говорили с Сергеем Ивановичем за закрытыми дверями. Потом Распутин уехал, недовольный... То есть мне так показалось. Сергей Иванович провожал его, и в дверях Распутин внезапно остановился... Сказал что-то вроде «Все ты врешь, врал ты, барин!». Потом неприятно улыбнулся и вышел. Вы бы видели, как его свита лебезила и...

Опалин открыл рот, чтобы спросить, правда ли, что Вережников предсказал Распутину его будущее, и закоченел. Он внезапно понял, что незаметно для себя всерьез втянулся в темное пространство, где господствовали суеверия, мистика и ожившая мебель, которая каким-то образом изгоняла из дома взбунтовавшихся крестьян. А ему – он чувствовал это – жизненно важно было оставаться скептиком. Мебель не может ходить; будущее нельзя предсказать по той простой причине, что его еще нет, а пляшущие в воздухе карты, которые видела Лидия Константиновна, наверняка объясняются каким-нибудь нехитрым фокусом. Знать бы только, каким...

– Сергей Иванович был богатым человеком? – рубанул с плеча Опалин.

Лидия поглядела на него с удивлением.

– Он... да. Конечно. Если вы хотите спросить, много ли ему платили... Но я уже сказала, что некоторых он принимал даже бесплатно.

– Некоторых, но не всех, верно?

– Ну... разумеется. Некоторые, было дело, даже составляли завещания в его пользу, в награду за помощь... Он не отказывался от таких наследств, но я никогда не видела, чтобы он кого-то побуждал... или заставлял...

Опалин взял еще несколько ягод и принялся жевать их, не чувствуя вкуса. Ему все меньше нравилось дело, которым он вынужден был заниматься.

– Скажите, почему Вережниковы уехали за границу? – спросил он.

Вот будет номер, если она ответит, что маг, чародей и спирит Сергей Иванович предвидел две революции – февральскую и октябрьскую, и заранее принял меры, чтобы они его не коснулись.

И Опалин услышал голос Лидии Константиновны:

– Зинаида Станиславовна заболела. Кажется, у нее открылся туберкулез... Сергей Иванович подключил свои знакомства, и они кружным путем выехали в Швейцарию.

– Ну, Зинаида Станиславовна – это понятно, муж ее сопровождал... А Сергей Иванович почему с ними поехал? Он же не заболел.

– Ему надо было уладить дела в Париже. Его жена незадолго до того умерла...

– Жена?

– Да, у него была жена. Но она ушла от него вскоре после свадьбы. Кажется, и года не прошло... Связалась с одним... князем, как я слышала... Ему нельзя было жениться, и они переехали во Францию...

Похоже, братьям Вережниковым катастрофически не везло с женщинами. Одного жена бросила ради любовника, другому изменяла со всеми подряд... да так, что он из-за нее даже застрелил человека, который, по словам его дочери, ни в чем не был перед ним виноват. (А может, был? Стоит ли верить дочери в таких моментах, как этот... Хотя, с другой стороны, какая теперь разница...)

– Позже мы узнали, что еще до отъезда Сергей Иванович перевел за границу часть своих капиталов, – добавила Лидия Константиновна.

Значит, все-таки кое-что маг и чародей предвидел. Опалин почувствовал, что начинает злиться.

– Итак, Вережниковы уехали, и наступил 17-й год. Усадьбу снова пытались поджечь...

– Да, но им пришлось отступить. Тогда они, – Лидия Константиновна тяжело вздохнула, – разгромили земскую больницу.

– Зачем? – насупился Опалин.

– Как вам сказать... Там был спирт, а спирт можно выпить, например. Потом они сами же и жалели о том, что натворили, потому что разразилась эпидемия тифа, а земский доктор уехал, как только начались... как только началось все это. Потом холера, и дифтерит, и опять тиф... Усадьбу переоборудовали в госпиталь, динамо-машина сломалась, дров не было... Старая мебель пошла на дрова... книги... Через какое-то время госпиталь отсюда убрали, но кровати, на которых лежали больные... их тоже пришлось сжечь. Открыли школу первой ступени, починили динамо-машину... Несколько помещений выделили ячейке комсомола. И весной все это началось.

Глава 6

Выстрелы в пустоту

– С появлением в доме ячейки? – спросил Опалин, чрезвычайно внимательно глядя на Лидию Константиновну.

– Нет, нет. Комсомолыцы у нас уже несколько лет, – ответила та с некоторым удивлением. – Мы привыкли, что когда из города кого-то направляют сюда... ну, для комсомольской работы... они живут в усадьбе. Все-таки тут удобнее, чем в деревне, тем более что... – она осеклась.

– Тем более что деревня туго поддается комсомольскому влиянию, – вставил Платон Аркадьевич скрипучим голосом. – Здесь нет никакого секрета, и я уверен, что когда вы побеседуете с Демьяновым и Проскуриной, они вам объяснят причины.

– А что, у них были неприятности? – Опалин напрягся.

– Ну их же не убили и не покалечили, считай, никаких неприятностей не было, – ответил учитель спокойно. – Вот в соседней деревне в прошлом году селькора убили. Может, вы слышали – селькор Герасимов, о нем в газетах писали. Это в шести верстах от нас произошло.

Опалин сидел, моргая, и чувствовал себя совершенно по-дурацки. К Распутину, спиритизму и давнему убийству на охоте прибавилось свежее преступление, да еще убийство селькора. Хуже этого было бы только убийство какого-нибудь видного партийца или военного. Иван почувствовал, что вязнет, и что разобраться в происходящем будет чрезвычайно нелегко.

– Давайте перейдем к привидению, – попросил он, хмуро потирая лоб. – Кто его впервые увидел, как это произошло... ну и вообще.

– Все началось с Демьянова, – сказал учитель.

– Нет, с Проскуриной, – возразила Лидия Константиновна. – Она первая стала жаловаться на странные звуки в доме.

– Звуки? – быстро спросил Опалин. – Какие именно звуки?

– Какие-то необычные шумы. Стуки, но... не похожие на стуки. Потом я тоже проснулась среди ночи... Я, знаете, привыкла, что дом старый и тут всякое слышно. Рассохшееся дерево потрескивает, например, половицы скрипят, бывает, что ставень хлопает... Но эти звуки были совсем другие. Мы думали, что это может быть кот или какое-нибудь другое животное. Потом решили, что в дом могли забраться беспризорники... Все осмотрели, но ничего не обнаружили. А потом случился припадок...

– У Демьяновой?

– Нет. У Проскурина. Он встал среди ночи и увидел... Что-то белое и светящееся, что колыхалось в воздухе. С ним произошел эпилептический припадок... Когда он пришел в себя, то не мог говорить несколько часов. Потом... Потом ночью это увидела я.

– Так, – выдохнул Опалин. – И что именно это было?

– Оно было неживое, – без колебаний ответила Лидия Константиновна. – Наверху угадывалось что-то вроде черепа. Оно висело в воздухе без всякой опоры... А потом я увидела, как стол подпрыгнул, завертелся и стал... стал стучать. Знаете, как на спиритических сеансах... И это было ужасно, потому что... потому что поблизости никого не было. Ни одной живой души, кроме меня. Стыдно сказать, но я закричала и побежала прочь. Мне потом сказали, что мой крик перебудил всех в доме...

– А кто тогда находился в доме?

– Я, комсомолыцы – они тогда еще не уехали... Платон Аркадьевич. Доктор Виноградов...

– Доктор? Что за доктор?

– Он заведует местной больницей.

– Вы же сказали, что ее разгромили.

– Да, но до основания не разрушили. Она... ну... считается, что она действует, хотя крыша... в общем, там можно безопасно находиться только в двух или трех помещениях. Обычно доктор вел там прием, а жил у нас. Это неудобно, потому что больница в нескольких верстах... И когда ему ночью явился призрак, он сказал, что с него хватит, и перебрался туда.

– Он тоже видел привидение?

– Да.

– Значит, доктор, образованный человек, верит в призраки?

– Дело не в том, во что он верит и во что не верит, – вмешался Платон Аркадьевич, – а в том, что есть. Вы бы тоже, если бы столкнулись среди ночи...

– А вы? – Опалин повернулся к нему. – Вы видели этот чертов призрак?

– Я – нет. Но я всегда запираюсь и не выхожу по ночам. – Платон Аркадьевич нахмурился. – Несколько раз я слышал странные стуки, как будто стучали совсем рядом с моей дверью. Но я не выходил. Днем я спрашивал, кто стучал, и все, кто жили тогда в доме, говорили, что они не делали этого.

– А вы не думаете, – с расстановкой спросил Опалин, – что вы могли стать жертвами проделок деревенских?

– Это для них слишком замысловато, – сказал учитель с усмешкой. – Поверьте, если бы у них что-то было против нас, они бы просто нас прикончили. Без всяких церемоний.

Опалин нахмурился. В глубине души он признавал, что непротивленец, скорее всего, прав; но простота, с которой тот говорил об этом, не нравилась гостю.

– Я слышал, что в усадьбе есть сторож, – сказал Иван. – Он что-нибудь говорил?

– Один раз он видел это в окне, – отозвалась Лидия Константиновна.

– В каком именно окне?

– Здесь. В столовой.

Опалину не то что сделалось неудобно, но он поежился и понял, что остальные заметили, что ему не по себе.

– Он не вошел в дом, чтобы проверить, что это было?

– Он испугался, – ответил Киселев. – Знаете, он неплохой человек, но после этого случая запил. Теперь он даже днем не любит приближаться к дому.

Итак, сторож, доктор, двое учителей и двое комсомольцев видели и слышали нечто, что одинаково напугало их всех. Тотчас же Опалин вспомнил, что был как минимум еще один человек, и насупился.

– Все это мы уже рассказывали вашему предшественнику, – добавил Платон Аркадьевич. – Хотя должен сказать, что он не интересовался ни прошлым усадьбы, ни Распутиным, ни драмой, которая произошла с отцом Лидии Константиновны... Вы, похоже, глубже роете, чем он. Можно спросить, к каким выводам вы уже пришли?

– А к каким выводам пришел Бураков? – колюче спросил Опалин.

– Ну, он сказал, что призрак настроен явно контрреволюционно, и что он выведет его на чистую воду.

– И что было дальше?

– Ваш коллега устроил в доме засаду, – сказал Платон Аркадьевич. – Сидел тут ночами и караулил. На третью ночь это и произошло.

– Что именно?

– Когда появился призрак, Бураков выпустил в него две обоймы.

Опалин открыл рот. Этого в бумагах дела, которые ему передали, не было. Вероятно, Бураков просто не успел записать, какие действия он предпринял.

– И что? – спросил он, смутно предчувствуя, что не услышит в ответ ничего хорошего.

– Призрак исчез, а ваш коллега долго буянил, после чего напился. На следующую ночь призрак влетел к нему в окно.

Опалин сидел, весь подобрравшись, и выражение лица у него было совершенно волчье. Чем дальше, тем меньше ему нравилось то, что он слышал.

– Если вы тоже приехали сюда с мыслью пострелять в шутника, который прикидывается призрак, – спокойно продолжал учитель, – выбросьте это из головы. Мне, черт возьми, 36 лет, и я уже давно не мальчик. Проскурин и Демьянова, конечно, молодые люди, но их тоже нелегко обмануть. Про доктора и Лидию Константиновну и говорить нечего. – Он перевел дыхание. – Я буду вам очень признателен, если вы докажете, что за всем, что тут творится, стоят материальные силы. Но буду честен: я считаю, что это дело вообще не по вашей части.

– А по чьей? – мрачно спросил Опалин.

Учитель пожал плечами.

– Есть многое на земле и на небе, Горацио... Это цитата, – быстро пояснил он, видя, что собеседник не понимает, куда он клонит. – Из Шекспира. А другой титан мысли, которого зовут Гёте, сказал, что сущее не делится на разум без остатка. Я думаю, что тут мы имеем дело как раз с таким остатком.

Тени сгустились в столовой. Чья-то стриженная голова сунулась в окно, хихикнула и пропала.

– Когда именно умер Сергей Вережников? – внезапно спросил Опалин.

И мысленно он отметил, что его собеседники впервые посмотрели на него не то что с уважением, но... В общем, с чем-то, до странности на него похожим.

– Мы узнали, что он умер в апреле, – сказала Лидия Константиновна болезненным голосом, потирая висок.

– И, по-вашему, его дух вернулся сюда?

– Я не знаю, что думать. Не знаю.

Опалин вздохнул, прикидывая дальнейший план действий. Расспросить сторожа, доктора и комсомольцев, которые раньше тут жили. Узнать... что узнать? Как выглядит субстанция, которую нельзя арестовать и которую невозможно ранить? Чего, собственно, от него ждут? Во что он вообще ввязался, позволив послать себя в это гиблое – как он сейчас понимал – место? Вон Лидия – из-за этого проклятого дома потеряла и отца, и мать, пыталась вырваться и в итоге была вынуждена сюда вернуться. И, может быть, таинственный Сергей Иванович тоже был вынужден вернуться, потому что...

Нет, нет и еще раз нет. Строго придерживаться фактов, иначе он опять провалится в трясину мистики, откуда не выбраться.

– Боже, я совсем забыла, – пробормотала Лидия Константиновна, глядя на стол. – Надо что-нибудь принести... Квас или компот? Может быть, чай?

Опалин сказал, что ничего не хочет, а учитель – что он не прочь выпить квасу. Он видел, что Ермилова хочет уйти, потому что разговор с настырным сопляком из Москвы совершенно ее вымотал, и она попытается в одиночестве прийти в себя. Лидия Константиновна поглядела на него, поняла, что он обо всем догадался, кивнула и быстро вышла, поправляя на плечах выцветшую шаль.

– Вы мне не все сказали, – заметил Опалин. Платон Аркадьевич тем временем потянулся за новой папиросой, и его рука замерла в воздухе.

– Имеете в виду, я вам соврал? Ну-ну...

– Что именно вас так испугало, что вы стали запирайтесь на ночь? Никогда не поверю, что чужие рассказы могли произвести на вас такое впечатление. Только рассказы, – Опалин голосом подчеркнул слово «только». – Было же что-то еще?

Он действовал наобум, но по выражению лица собеседника понял, что попал в точку.

– Когда я рассказал об этом вашему приятелю, – сказал Платон Аркадьевич, дернув ртом, – он стал смеяться и говорить, что я перепил.

– А вы не пьете?

– Нет. Ну, пью, но в меру. Не до такой степени, чтобы...

– Так что вы видели? Призрак во тьме?

– Нет. Летящий стол днем.

– Э?

Ничего более умного Опалину в голову не пришло.

– Я видел стол, – отчеканил учитель, – который летал по комнате. Ясно? Вопреки законам притяжения, вопреки... вопреки всему. Он парил под потолком, покачиваясь туда-сюда. Поплыл к окну, потом остановился и направился ко мне. А потом он опустился на прежнее место и застыл.

– И вы это видели? Собственными глазами?

– Дурацкий вопрос, простите. Чьими еще глазами я мог это видеть? И нет, я не был пьян. Спросите кого хотите, они вам скажут, что я не пью. Более того, я... Я подошел к этому проклятому столу и стал щупать его. Я хотел убедиться, что там нет... ну... никаких веревок, которые объясняли бы этот трюк. Но это был обычный старый стол, понимаете? Комната была ярко освещена, и в ней никого не было. На всякий случай я проверил соседние комнаты, но они были пусты. Никого. Только...

– Только – что? – не выдержал Опалин, когда пауза слишком уж затянулась.

– В соседней комнате я нашел портрет. Я точно помнил, что раньше видел его на чердаке. Не знаю, как он вообще уцелел. Лидия Константиновна говорит, что раньше в доме было много картин, но почти все погибли. Правда, большинство из них нарисовала Зинаида Станиславовна – она баловалась живописью. Кажется, один из ее любовников был художником...

– Так что с портретом-то? – не утерпел Опалин.

– А то, что непонятно, каким образом он оказался в комнате. Я пытался выяснить, кто принес его с чердака, но все смотрели на меня, как на сумасшедшего. Портрет просто перенесся с чердака в комнату, ясно?

– И кто же был на нем изображен? – спросил собеседник, почти уверенный, что знает ответ наперед.

– Как кто? Сергей Иванович Вережников, – ответил учитель.

Глава 7

Трель соловья

Вечером того же дня Опалин сидел в своей комнате на кровати и смотрел на натюрморт на противоположной стене. Сумерки вползали в открытое окно, и где-то в саду пел соловей. Иван не зажигал света. Ему хотелось разобраться в своих ощущениях. Картина, на которую он глядел, в полутьме казалась смутным пятном и оттого не отвлекала его от размышлений.

Поговорив с учителями, он собирался сходить в деревню, но неожиданно разразилась гроза, и Иван, чтобы занять себя, стал осматривать дом.

Он переходил из комнаты в комнату, пощупал стол, о котором ему рассказал Киселев, и убедился, что это обычный предмет мебели, не слишком легкий, но и не настолько тяжелый, чтобы его нельзя было сдвинуть с места. Данный факт, впрочем, никак не объяснял, почему стол ухитрился летать без крыльев и без каких-либо видимых приспособлений. Расспросив Лидию Константиновну, Опалин выяснил, что движущийся и стучащий сам собою стол, который она видела, был тот же самый и что раньше за ним любил сидеть Сергей Иванович, проводя свои сеансы.

Затем Опалин пожелал увидеть портрет, который сам собою перенесся с чердака в бывший бальный зал на втором этаже усадьбы. С портрета глядел холеный старорежимный господин с остроконечной бородкой и усами. На вид в нем было не больше чертовщинки, чем, к примеру, в тарелке крошки. Иван отвернулся от портрета и недовольно почесал нос.

Он осмотрел все помещения на обоих этажах усадьбы, не пропустив ни одного чулана, ни одного закутка. Наверху остатки былой роскоши и изящные колонны причудливо сочетались с покосившимися оконными рамами и отходящими от стен обоями, которые в иных местах висели лоскутами. Здесь еще оставалось некоторое количество мебели, но уже ощущался тот особенный нежилой дух, который обычно предшествует запустению и забвению. Несколько комнат на втором этаже были отведены для комсомольцев, и в одной из них старинная кровать с остатками балдахина соседствовала с бюстом Калинина и изображениями Ленина и Троцкого. Тем, кто жил в столице и пристально следил за происходящими событиями, было ясно, что товарища Троцкого выдавливают из партии, что его атакуют со всех сторон и что подняться ему уже не дадут. Однако в провинции не так хорошо держали нос по ветру, и, кроме того, следует сказать, что сторонников у Троцкого было немало и его слава создателя пролетарской революции работала на него еще долго.

Спустившись на первый этаж, Опалин заглянул к Киселеву. В комнате, которую занимал Платон Аркадьевич, на стене висел совершенно иной портрет – Лев Толстой, и вовсе не в виде хмурого старца с кустистыми бровями, каким его принято обыкновенно изображать, а в образе молодцеватого офицера с николаевскими эполетами. Заметив, что гость заинтересовался портретом, Киселев оживился, сел на своего конька и прочитал целую лекцию об учении Толстого, а также о его художественных произведениях. Слушая его, Опалин сделал только тот вывод, что его собеседник должен быть хорошим учителем.

Затем Иван сделал перерыв, чтобы покурить, и отправился осматривать погреб, где не обнаружил ничего особенного. Теперь ему оставалось обследовать только чердак, где нашлось кое-что поинтереснее, а именно – заброшенное гнездо дрозда с яйцами невероятного бирюзового оттенка, разнообразный хлам, преимущественно железный (деревянный весь пошел на растопку в недоброй памяти 1918-1921 годах, на которые пришелся пик разрухи и хаоса гражданской войны), а также телескоп на треноге.

– Дореволюционный еще, – пояснил учитель, – его купили, но так и не успели собрать. Мне сказали, что одно время Зинаида Станиславовна интересовалась астрономией... Оптика

цейссовская, представляете? Я его случайно нашел в одном из ящиков, собрал – будем с ребятами на звезды смотреть...

Заинтересовавшись телескопом, Опалин припал к окуляру и стал поворачивать прибор в разные стороны. Он разглядел верхушки леса, деревню, церковь, кладбище и даже паровоз, подходящий к станции. Все было видно как на ладони, и про себя он решил, что телескоп – чертовски хорошая штука.

– А священник тут есть? – неожиданно спросил Опалин.

Киселев мысленно отметил, что Иван не стал употреблять слово «поп», имеющее уничижительный оттенок, и поглядел на собеседника внимательно. Несмотря на весь свой опыт, учитель никак не мог понять, что Опалин представляет из себя. Иногда он казался простым, как таблица умножения, а иногда озадачивал, вот как сейчас.

– Отец Даниил, – сказал Платон Аркадьевич в ответ на вопрос собеседника. – Зачем он вам?

– Поговорить, – туманно ответил гость, почесывая ухо.

– Он старый человек, – буркнул учитель. – И совсем не враг советской власти.

– Вы к нему обращались? – Опалин круто повернулся к собеседнику. – Ну, насчет призрака, который тут шляется?

Это был уже второй раз, когда Киселев понял, что московский гость совсем не прост, да что там – несмотря на молодость, чертовски проницателен.

– Угадали, – пробурчал Платон Аркадьевич. – Ладно, черт с вами, – разозлился учитель, – он тут был.

– Со святой водой и молитвами? Изгонял злых духов? И как, помогло?

– Нет, – сухо ответил учитель. – Послушайте, если вы намерены разводить антирелигиозную пропаганду...

– Я из угрозыска, – усмехнулся Иван. – Это не по моей части. А труба у вас хорошая, – он кивнул на телескоп. – Просто отличная. Кто еще о ней знает?

– В смысле?

– Кто знает, что она тут стоит?

– Гм... Ну, я говорил Лидии Константиновне...

– А еще кому?

– Кажется, никому.

– Отлично. Впредь до моего особого разрешения прошу о телескопе никому не сообщать. Это понятно?

– Понятно, – проворчал Платон Аркадьевич. Хотя на самом деле он ничего не понимал.

Когда дождь кончился, Иван отправился обследовать сад. Часть деревьев была вырублена, а за домом располагался огород, и, поглядев на него, Опалин сразу же понял, что занимается им человек, не имеющий достаточных навыков, и только потому, что жизнь заставила. Грядки кривые, овощи посажены то слишком тесно, то чересчур просторно, половина кустов не плодоносит, – одним словом, совсем не то, что на огороде возле станции, где чувствовалась неустанная забота и любовь к делу. «Интересно, Терешин занимается огородом или все-таки Марфа... – мелькнуло в голове у Ивана. – Наверное, жена, хоть он и корчит из себя главного. Все-таки хорошая хозяйка видна сразу...»

После огорода Опалин пошел к пруду и, засунув руки в карманы, некоторое время стоял напротив плотины, на которой инженер Вережников установил динамо-машину. Опалин уважал техническую мысль, и все, что двигалось, производило электричество или облегчало человеческий труд, было близко его сердцу. Еще он любил мосты, корабли и, конечно же, самолеты. Может быть, если бы он не оказался в угрозыске, он бы попытался стать летчиком. Ради одного ощущения, что ты отрываешься от земли, ради того, чтобы воспарить над скудной, трудной, спотыкающейся жизнью... эх, мечты, мечты!

Усилием воли отогнав досужие мысли, Опалин повернулся и зашагал к сторожке. В конце концов, он приехал сюда не мечтать, а заниматься делом.

Сторож усадьбы, превращенной в школу, оказался бледным малым неопределенного возраста, заросшим клочковатой русой бородой. Звали его Алексей Свешников. Он рассказал, что раньше выполнял разные работы в Дроздово, потом перебирался в город на заработки, снова возвращался и в конце концов с позапрошлого года осел тут. Также он уверял, что привидения шатались в усадьбе и раньше, потому что в войну там устроили больницу, в которой от тифа и прочих болезней умерли десятки, если не сотни человек.

– Я тебе так скажу: больница – одно название, – говорил Алексей, морща лоб. Его отличала медлительная речь, и каждое слово он произносил, словно вбивая гвоздь. – Больных туда просто привозили, понимаешь... А лекарств не было. Ничего не было. Лидия Константиновна была вместо сестры милосердия, пока сама не заболела...

– А как же врачи? – пробормотал Опалин.

– Врачи? Да ты что... Ну, прислали из уезда одного. Он только посмотрел, махнул рукой и обратно записился...

– А Виноградов, который нынешний доктор? Он тут когда появился?

Сторож задумался.

– В этом году или раньше? – решил ускорить процесс Опалин, который видел, что его собеседник завяз в дебрях памяти и никак не может сориентироваться.

– Нет. Ты меня не сбивай... Кажись, после смерти Ленина он приехал. Точно. Вот тогда.

– А что он за человек вообще?

– Человек? Да так... Городской. Жена к нему приезжала одно время, потом развелась. Надоело мне, говорит, свинство это. – Алексей усмехнулся и покрутил головой. – Она в туфлях ходила. Какие туфли в деревне, сам понимаешь...

За печкой затрещал сверчок.

– Отец мой был тут сторожем, – сказал Алексей. – А я, знаешь, решил: у меня все будет иначе. В сторожа не пойду. И что? – Он усмехнулся. – Что большевики о судьбе говорят? Есть судьба, али нет?

– Каждый сам хозяин своей судьбы, – убежденно ответил Иван.

– Да ну! – Сторож криво усмехнулся. – У меня три брата было. Все на фронте погибли. В имперлитическую войну. – Он не справился со словом «империалистическая» и перекорректировал его так, что Опалин поморщился. – Что они в своей жизни решали? Да ничего. На меня посмотри: что я решаю? Стерегу усадьбу эту проклятую, копаюсь на огороде, слежу за машиной на плотине, за лошадью, вожу Лидию или учителя, куда скажут. Теперь вот призрак этот окаянный... Тьфу!

– А лошадь что, болеет? – спросил Опалин, вспомнив разговор на станции.

– Не. Игнат, сволочь, плохо ее подковал.

– Игнат – это кузнец?

– Он. Ты знаешь, он к Лидии сватался. Много лет назад, а она ему отказала. Так он до сих пор помнит, и не упустит случая напакостить.

– Ладно, хватит про Игната, – решил Опалин. – Ты лучше про призрака расскажи.

– А что про него рассказывать? – Сторож явно занервничал. Сверчок заскрипел еще громче.

– Ты его видел?

– Один раз. Мне хватило.

– Опиши.

– Как его описать-то? Белый и колышется в воздухе. Вместо головы – череп.

– Череп, значит?

– Угу. Ты в него тоже палить собираешься, что ли? Как этот, который до тебя приезжал?

– Думаешь, не стоит? – серьезно спросил Иван.

– Ну попробуй, если смелый, – ответил Алексей со вздохом. – Только на меня не рассчитывай: я с призраком связываться не буду. Братья мои померли, а я еще пожить хочу.

– Почему ты один дом стережешь, без собаки?

– Была у меня собака. – На лицо сторожа набежала тень. – Убили ее.

– Кто убил-то?

– Кто-то из местных. Сад видел? Там черешни растут, яблони. Ничего толком не поспевает, их зелеными обдирают.

– Зачем?

– Ну вот так, – туманно ответил Алексей, поводя плечами. – Это же все господское было. В 19-м году у кулачья дров было навалом, но они все равно сюда лазили и деревья пилили, хотя лес совсем близко.

После сторожки Опалин заглянул в конюшню, где в просторном стойле, рассчитанном как минимум на шесть лошадей, стояла одна-единственная кобыла и шумно вздыхала.

– Здорово, – сказал ей Иван. – А ты не боишься призраков, да?

Лошадь посмотрела на него своими прекрасными темными глазами и переступила на месте. «Надо будет сделать подлецу Игнату внушение», – подумал Опалин и отправился к себе.

Теперь он сидел и вяло размышлял обо всем, что услышал и узнал в этот странный, тягучий летний день. Его не покидало интуитивное ощущение, что среди этого вороха самых разнообразных сведений он уловил намек на нечто очень важное, на ниточку, которая была ему так нужна – но не ухватил ее вовремя, чтобы раскрутить весь клубок, и это его мучило.

«Что же это было, в самом деле...»

Соловей в саду щелкал, свистел и выводил рулады. Ночь наплывала на Опалина.

«Надо будет спросить у них бумаги и чернил, чтобы... Хотя что я могу сейчас написать?»

Он мысленно представил себе, как будет выглядеть его отчет, и фыркнул.

«Помощник агента угрозыска Опалин Иван Григорьевич, командированный в б. усадьбу Дроздово (Московской губернии) с целью пресечь деятельность эмигрантского призрака, который злоумышляет против советской власти...»

Б. в данном случае являлось весьма популярным в те годы сокращением, обозначавшим «бывший» или «бывшие». Так называли не только дома, но и людей, которые что-то значили при старом режиме, а при новом обратились в ничто или почти в ничто, из-за чего не питали к власти большевиков никакой симпатии.

«Вот, допустим, Лидия Константиновна... Можно ли ее назвать бывшей? Всю жизнь на положении бедной родственницы в этом доме, который ее не отпускает... Или, к примеру, Киселев...»

Он поглядел на банку с огурцами, которая превратилась в сущую обузу. Половину Опалин отдал Лидии, а оставшиеся успел частично умять.

«Завтра надо будет вернуть Марфе пустую банку, – решил Опалин, – пусть не думает, что я зажал посуду». Он был человеком обязательным и не понимал, как можно не держать своих обещаний.

Выбросив до поры до времени из головы все мысли о призраке, он попробовал закрыть окно, но понял, что не сможет спать в духоте, и оставил все как есть. Сбросив сапоги, Опалин улегся на кровать, повернулся на бок, ничем не накрываясь, и уснул. Впрочем, до этого он успел убрать браунинг под подушку.

Точность обязывает нас добавить, что вскоре после того, как он уснул и на небо выплыла мутно-желтая круглая луна, тень скользнула по саду и заглянула в открытое окно. Добавим также, что тень не имела отношения к миру призраков, а, напротив, принадлежала вполне себе живому человеку.

Видя, что Опалин крепко спит, обладатель тени усмехнулся и растворился в ночи. Его загадочную личность могли бы разоблачить только луна и соловей, но оба они говорить не могли, и потому тот, кто бродил по саду, мог ничего не опасаться.

Глава 8

Летающий топор

На другой день несостоявшаяся деревня Троцковка, она же Николаевка, Дроздовка тож, гудела как встревоженный улей.

Стало, к примеру, известно, что прибывший из Москвы с утра заявился к кузнецу Игнату, ведя за собой школьную лошадь, и потребовал подковать ее как следует. Кузнец попытался было заартачиться и указать на то, что у него и так работы навалом, после чего услышал от столичного разные слова, преимущественно непечатные, и обещание упечь его в уездный допр за неуважение к власти. Игнату была даже предъявлена пугающая бумажка с большой круглой печатью и пробелом в том месте, где должно стоять имя арестованного. Струхнув, кузнец подковал лошадь, но после того, как грозный муровский агент отбыл, устыдился своего страха и теперь гордо рассказывал всем желающим, что не будь Опалин представителем власти, он бы ему показал кузькину мать, и не только кузькину, и даже не только мать.

Затем страшный агент наведлся к отцу Даниилу Воскресенскому, который был занят тем, что пересчитывал своих кур и яйца, которые они снесли. Священник, немолодой уже человек в сильно поношенной рясе, поглядел на пришельца в точности так, как должен смотреть представитель притесняемой религии на того, кто способен причинить ему очередные неприятности, но Опалин удивил его вопросом, не пропадали ли с местного кладбища черепа и вообще – не рылся ли кто-то в могилах.

– Странно, что вы это спросили, – сказал священник.

Он вытер руки о первый подвернувшийся лоскут (носовые платки в деревне сыскать было в то время затруднительно), и пригласил гостя следовать за собой. В поводу Иван по-прежнему вел лошадь, которую водил подковать. Около кладбища Опалин привязал ее и поспешил за священником, который показал ему братскую могилу, в которой хоронили умерших от тифа.

– Видите? Здесь земля осыпалась, стали видны кости... но произошло ли это по естественным причинам или оттого, что в ней кто-то копался, я сказать не могу. Я попросил могильщика набросать сверху земли...

– Когда именно вы заметили, что с могилой неладно? Давно?

Священник немного подумал.

– Кажется, это было на пасху. Да, именно тогда.

Опалин воспрянул духом. Пасха в 1926 году выпала поздно и приходилась на 2 мая. По всем расчетам призрак стал тревожить обитателей Дроздово в конце мая. Поблагодарив отца Даниила, Иван спросил, как ему найти приезжих комсомольцев, которые раньше жили в усадьбе.

– Давайте я вам покажу... Они живут недалеко от меня, у Евстигнеича.

– Это бывший слуга инженера, что ли? – заинтересовался Опалин.

– Да, – подтвердил отец Даниил, – хотя он уже умер, дом его называют, как прежде... Сын состоит в партии, в уезде его хорошо знают... Земская больница... то есть бывшая земская в прискорбном состоянии, он недавно ездил куда-то, просил средства на ремонт...

– А доктор Виноградов сейчас в больнице живет?

Опалин знал, где живет доктор, но профессиональная привычка обязывала его задавать одни и те же вопросы разным лицам и следить, как они отвечают. Он спросил почти машинально – но от него не укрылось, что старый священник смутился и даже сбился с шага.

– Да... там... Его помощник, фельдшер Горбатов, хороший человек...

Опалина заинтересовало, с чего вдруг собеседник свернул разговор на фельдшера, о котором даже не было речи, но тут они пришли, и Иван решил отложить расспросы до дру-

гого раза. Сын Евстигнеича жил в добротном каменном доме; во дворе имелась цепная собака, которая не хотела пропускать Опалина, но тут появилась уже знакомая ему девочка Наденька, призвала пса к порядку и впустила гостя. Лошадь он привязал к дереву, прежде чем войти в дом.

– Ты подожди, подожди, – прощепетала Наденька, узнав о цели его визита, – они сейчас придут.

В комнатах было чисто, мебели – ровно столько, сколько нужно, и самой простой. Первая от входа комната, судя по всему, периодически играла роль приемной, потому что на стене висела картинка – Ленин выступает на фоне красного знамени. В спальне, которую отвели комсомольцам, Иван прежде всего заметил довольно широкую кровать. Чемодан с железными уголками, еще один, и чем-то воняет – в тазу замочены для стирки то ли носки, то ли чулки, и кто-то их там явно забыл. Опалин поморщился и отвернулся. Происхождения он был самого простого, но отчего-то с детства не выносил свинства, в чем бы оно ни выражалось.

– Я не могу долго ждать, – сказал он Наденьке, которая важно, как взрослая, смотрела на него.

– А они сейчас поругаются и вернутся, – ответила девочка. – Они здесь не ругаются, а только когда выходят.

– А почему они ругаются?

– Он ее замуж не берет, – ответила собеседница беспечно. – Давай играть! Ты умеешь в ладушки?

Когда Глеб Проскурин и Авдотья Демьянова вернулись домой, они застали в комнате хохочущего во все горло агента угрозыска, который играл в ладушки с дочерью хозяина. Комсомольцы с изумлением вытаращились на гостя.

– Это... Я тут вас ждал, – сказал последний, поднимаясь со стула, на котором сидел. – Я Иван Опалин, агент московского угрозыска.

Строго говоря, он пока что считался только помощником агента, но в том, что касается званий, униформы и знаков различия, в ведомстве царила невообразимая путаница. Каждый год выходили все новые и новые приказы, сотрудников тасовали и переименовывали, меняли петлицы, забрасывали строптивый угрозыск указаниями, что его работники обязаны носить униформу, разрешали не носить ее по обстоятельствам, например, во время засад, и снова требовали, снова отменяли вчерашние приказы и снова действовали всем на нервы своей начальственной неразберихой. Отчасти по причине этой неразберихи Опалину удалось заполучить униформу с красной звездой и углами, причем на петлице слева красовались звезда и два угла, что означало главу уездного угрозыска, а на петлице справа сияла одинокая звезда, которая относилась вообще не к угрозыску, а к милицейскому начальству.

– Некогда нам тут с тобой возиться, – объявило Ивану лицо, ведающее распределением униформы. Лицо это сильно смахивало на морду, но мы из вежливости будем все-таки считать ее лицом. – Звезды убери, один угол переставь направо. И вообще, для тебя и этого много. – Зеленая петлица с одним красным углом означала рядового агента угрозыска.

– Как же я переставлю? – спросил Опалин, растерявшись.

– Да как хочешь, – равнодушно ответило лицо и занялось следующим агентом.

Опалин отлично понимал, что ему всучили некомплектную униформу и что, по совести, он имеет полное право требовать замены. Но наличие звезд показалось ему хорошим предзнаменованием и странным образом его взбодрило. Так просто расстаться с ними он не смог и для начала устроил себе симметричные петлицы – со звездой и углом на каждой.

Таким образом он произвел себя в старшие инспекторы угрозыска. Кстати сказать, новые петлицы помогли ему раскрыть преступление, но об этом мы расскажем как-нибудь в другой раз.

Само собой, о фокусе Опалина с униформой стало тотчас же известно, и он получил нагоняй. Вдобавок Лошак стал всем рассказывать, что «Ваня задается» и что он смотрит на товарищей свысока (чего никогда не было).

– У меня рука не поднялась убрать звезды, – искренне сказал Опалин Филимонову, когда тот попросил его объясниться. – И вообще, я не умею переделывать петлицы...

– Придется вам переделать, Иван Григорьевич, – спокойно ответил Филимонов. Он держался обращения на «вы» со всеми, включая задержанных за воровство беспризорников, чем поначалу бесил Опалина, а потом стал восхищать.

На следующий день Иван явился в угрозыск с одним углом на петлицах и терпеливо выдержал все шуточки по поводу своего «понижения».

И теперь он стоял напротив комсомольцев в своей белой летней гимнастерке, которая, впрочем, уже успела потемнеть от жары. Опалин гордился своими зелеными петлицами и очень старался напустить на себя соответствующий им вид, но, так как он только что, заливаясь хохотом, играл с Наденькой в ладушки, столь резкий переход совсем ему не удался.

– Э... да, я слышал, что вы приехали... – забормотал Проскурин, который представлял себе Опалина совсем не так. – Давай на ты, ладно?

Опалин попросил Надю постеречь лошадь, чтобы ее не увели, и девочка вышла. Приезжие комсомольцы составляли любопытный контраст друг с другом. Он – высокий, очень худой брюнет с удлинённым лицом и впалыми висками, она – сероглазая, русоволосая, в теле и, пожалуй, хорошенькая. По ее лицу Опалин сразу же понял, что она сильно не в духе. Одеты комсомольцы были по-городскому, хотя, возможно, Проскурин считал, что серая толстовка и бесформенные штаны придают ему деревенский вид.

– Если опять начнутся дурацкие вопросы про то, сколько мы пили, прежде чем увидели привидение, – предупредила девушка, сверкнув глазами, – я уйду.

– Это вовсе не дурацкий вопрос, – заметил Опалин. – Но я уже понял, что вы ничего не пили.

– Понимаешь, Ваня, – доверительно начал Проскурин, – мы – комсомольцы, авангард революции... И оказались в такой... в такой нелепой ситуации. Призрак! Да боже мой...

– Не божись, – оборвала его Дуня.

– Ты права, – тотчас же уступил Глеб, – это я зря. Но... Понимаешь, Ваня, если бы я не видел призрак собственными глазами...

– Меня интересует, – сказал Опалин, – не могло ли это быть чьей-то шуткой.

– Твой коллега тоже так думал, – воинственно бросила Дуня. – Ухмылялся и говорил: «Это все ерунда! Вас провели, как младенцев!» А сам с ним столкнулся – чуть не поседел.

– Вы знаете, что в соседней деревне недавно убили селькора? – неожиданно спросил Опалин.

Комсомольцы переглянулись.

– Это не то, что ты думаешь, – буркнул Глеб, насупившись. – Это не...

– Это не политическое, – вмешалась Дуня. – Он по пьяни изнасиловал девушку. Ее братья схватили его, потащили к реке, сунули в воду головой и держали, пока он не захлебнулся. Здесь все знают, как все было. Да и селькор он был так себе, если честно...

– Дуня! – предостерегающе шепнул Проскурин. – Не надо так. Человек умер. Это трагедия... Он сообщал в газету о злоупотреблениях, разоблачал кулаков...

– Да ну тебя, – буркнула Дуня. Она достала папиросы, нервным жестом выбросила одну из пачки и закурила, чиркнув о стену спичкой.

– А как вообще обстановка в деревне? – спросил Опалин.

Его собеседники снова переглянулись. Дуня выпустила клуб дыма и воинственно прищурилась.

– Темнота, дикость и невежество, – процедила она сквозь зубы. – Вот и вся обстановка. Стараешься, стараешься, и все напрасно.

– Ну, не все, – примирительно вставил Глеб. – Мы наладили работу ячейки...

– Понимаешь, Ваня, – заговорила Демьянова, обращаясь к Опалину, – с деревней ничего поделывать нельзя. Я не знаю, как это объяснить, но... Очень мало стоящих людей здесь. Мало! Почти все – либо пьяницы, либо кулаки, либо подпевалы кулаков. И ничего на них не действует. Дай им даже, чего они хотят – бесплатный керосин и мануфактуру подешевле – они и тогда покажут тебе кукиш. Они наконец-то получили землю. То, чего им никто не дал, и царь не дал в 61 году, им дали большевики. Ты думаешь, они благодарны? Хоть немножко, хоть чуточку? Нет. Они говорят, что большевики ни при чем, что они сами вырезали помещиков, сами все забрали. Они и слышать не хотят, что это стало возможно только благодаря революции, и что эта революция – великое, величайшее событие в новейшей истории. Они желают лишь сидеть на своей земле, и чтобы государство им в ноги кланялось, – выпалила она со злостью. – Их не интересует международное положение, им все равно, что наша страна окружена врагами, которые жаждут ее гибели. Я не знаю, что можно сделать, чтобы...

Ее лицо исказило отчаяние, она взмахнула рукой, в которой держала сигарету. Опалин понял, что перед ним – не какой-то приспособленец вроде Лошака, а человек с убеждениями, который отъехал на несколько десятков верст от Москвы и увидел, как его убеждения разбиваются о реальность. И еще – он подумал, что в паре Демьянова-Проскурин главной была именно она.

– Здесь очень силен стихийный анархизм, – пробормотал Глеб.

– Это не анархизм. – Она резко мотнула головой. – Это хуже. Им на все плевать. Они заполучили то, о чем мечтали целые поколения – землю, и теперь уверены, что их никто с места не сдвинет. Учиться они ничему не хотят, городскую жизнь презирают. Книга интересует их только потому, что можно вырвать из нее лист и сделать самокрутку. И даже лучшие среди них... даже лучшим нельзя доверять.

– Ты о Зайцеве? – быстро спросил Проскурин. – Я считаю, мы должны...

– Кто такой Зайцев? – спросил Опалин.

– Ты в его доме находишься. Это наш хозяин.

– А что с ним не так?

– Мы узнали, что у него был брат, который воевал за белых.

– Если он член партии, – сказал Опалин, – там наверняка знают об этом.

– Может быть, – пробормотал Глеб. – А если нет? Мне показалось, он скрывает, что...

Надвигалась гроза. Нет, не снаружи, а внутри дома – потому что, обернувшись, Опалин увидел в дверях подбоченившуюся бабу, и на лице ее пылала такая злоба, что на мгновение вооруженный помощник агента угрозыска страстно захотел оказаться где-нибудь в другом месте.

– Ах вы, свиньи!.. – проговорила она, качая головой. – Свиньи!

– Какое вы имеете право нас оскорблять? – возмутилась Дуня.

– Такое! Мы потеснились, вас к себе пустили... денег с вас не берем за постой! Жрете в три горла, твари, загадили все, – она метнула злобный взгляд на тазик, – второй день свое тряпье постирать не можешь... Так мало того, ты еще и сплетни слушаешь! Которые враги мужа моего про него распускают... Какой еще брат-беляк? – завизжала она. – У него один брат был, от тифа помер, закопали зимой, когда земля была как камень... Суки! Всем же известно, что его похоронили, нет, приперлась тут, гнида городская, воду мутить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.